

Я — баловень судьбы

Кажется, уже все сказано об интеллигенции, об интеллигентах и той роли, которую они призваны играть в жизни нашего общества. Сегодня — в особенности. Но почему-то дискуссии на эту тему не прекращаются. Порой ловишь себя на мысли: а был ли мальчик? Наверное, все-таки был. Тогда где он сейчас? Мальчик для битвы? Не делающий погоды в нравственном климате? Или он все же, как "ежик в тумане", пробирается сквозь пелену, чтобы сделать погоду?

Что он может, что он должен, что он сегодня — российский интеллигент? На эту, видимо, вечную тему я беседую со старейшим российским литератором, отметившим на днях свое восьмидесятилетие, Александром Михайловичем БОРЩАГОВСКИМ. Кресло, в которое мне предложено сесть, принадлежало когда-то русскому интеллигенту Георгию Плеханову. И это обстоятельство показалось мне символическим.

— Александр Михайлович, вы можете назвать себя интеллигентом?

— Хочу думать, что имею на это право. Чтобы принадлежность человека к интеллигенции стала очевидной, бесспорной, нужен не вузовский диплом и хорошие манеры (хотя и это важно), но развитое чувство справедливости и совестливость как основа жизни. Полагая, что основания моей жизни, ее направленность и сущность заключены именно в этом.

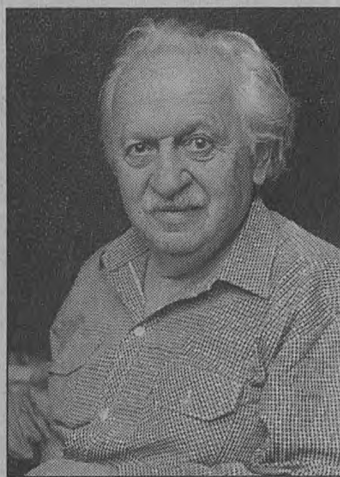
— Судя по тому, как мы сегодня живем, люди, наделенные достоинствами результативной совестливости и действенной справедливости, совсем перевелись. По крайней мере в эшелонах власти. Да и вообще — вы много сегодня таких людей встречали?

— Я понимаю подоплеку вашего вопроса: оценка рафинированной, столичной, так сказать, в пределах Садового кольца, интеллигенции однозначно пренебрежительна со стороны различных слоев общества. Это естественная реакция на честолюбивое мельтешение, тусовки, саморекламу, обжорство на презентациях — все это смачно и изо дня в день подается с экранов телевизоров и со страниц газет, ваши коллеги-журналисты немало поспособствовали дурной репутации. Впрочем, не беспочвенно. Хотя я и называю вам многие десятки творческих людей, не имеющих к этому нравственному падению ни малейшего отношения. Интеллигенция сегодня расслоилась на сотни несхожих физиономий. Говоря об интеллигенции в истинном, на мой взгляд, понимании, я имею в виду, скажем старомодно, прежде всего земскую, а по-нынешнему — провинциальную, интеллигенцию. Я довольно много езжу по стране. Вспоминаю поездки в "заштатный" городок Ирбит к читателям город-

ской библиотеки. Та духовная атмосфера, которая создается людьми, приходящими на литературные вечера и встречи, влияет на жизнь духа школ, клубов, общественных начинаний. Как? Это трудно передать общими словами, но, если в городе семьдесят-восемьдесят человек серьезно интересуются серьезной литературой, есть все основания надеяться, что слово "интеллигент" не прозвучит здесь как издевка или ругательство. При Музее Паустовского энтузиасты издали литературный сборник, альманах "Мир Паустовского". Можете представить себе, с какими трудностями сталкивались энтузиасты-инициаторы издания, начиная без денег альманах, создавая музей. Первые выпуски были осуществлены, не скрою, на средства главы тогда еще народного нищего музея, на пенсию бывшего военного инженера Ильи Ильича Комарова. В создании и сохранении музея помог в какой-то момент авиаконструктор Миль — дал приют начинающей. Сегодня в деловой, творческой орбите альманаха и музея — более восьмисот человек. Кто они такие? Полярные радисты, учителя, врачи, инженеры, люди всех профессий. Интеллигенция. Именно с их помощью были найдены возможности превращения народного музея в бюджетный. Уже родились и филиалы в городах, связанных с жизнью и творчеством Паустовского. Мы привыкли ругать начальство, а вот Юрий Михайлович Лужков первым одобрил идею создания серьезного музея, а чиновники из министерства финансов сделали все возможное для ее реализации.

— Паустовскому просто повезло! Тем не менее развивается Музей Достоевского, нет, по существу, музея Булгакова — можно долго перечислять...

— Все придет, и все будет!

— Когда, Александр Михайлович?!

— Когда вы, моя дорогая, и люди вашего поколения возьметесь за это. Возьметесь и сделаете неотвратимым.

— Может, мы не такие оптимисты, как вы? Вот вы книжку свою назвали "Записки баловня судьбы". Это вы-то, которого наказали ни за что, изгнали с работы, отлучили от театра... И ведь именно интеллигенция этому поспособствовала или внимала этому равнодушно.

— Увы, сياتهый Завадский с трибуны назвал нас, театральных критиков, антисоветчиками, попал и я в число антипатриотов — театральных критиков, обогнанных в статье, опубликованной 28.1.49 года в "Правде". Фадеев обвинил меня в том, что я "подбиваю ноги" талантливый советским драматургам. А я, как раб на галере, трудился, заведовал литературной частью Театра Советской Армии и за два года, за два сезона как завлит дал жизнь восьми современным пьесам, далеко не шедеврам, но это уже другое дело: завлиты гениев не создают. Все равно: выгнали отовсюду. В общем, аттестовали меня так злобно и бесповоротно, что это и стало моим... спасением.

— ?!

— Крутость, с какой обошлись со мной, — исключила для меня поиски компромиссов, исключила все, кроме серьезной творческой работы. Нечего ждать, нечего просить о чем бы то ни было. Расставшись с профессией театрального критика и театроведа, я стал литератором, прозаиком и драматургом.

— Александр Михайлович, если уж мы заговорили о прошлом, хочу вот о чем спросить. 31 октября исполняется сорок лет с того дня, когда писатели на своем собрании исключили Пастернака из союза. Вы ведь там были? Простите, но у меня с

языка срывается вопрос: что, интеллигенция склонна к предательству?

— Здесь нельзя отыскать абсолютных единых или одинаковых для всех оценок.

— Но ведь только один человек в большом зале воздержался, не проголосовал за исключение.

— Да, литературовед Гроссман-Рощин. И тем не менее я бы не был столь категоричным.

— Простите, но это трудно понять...

— Да, сегодня нелегко понять, что, хотя Сталин и умер, над всем собранием буквально витал дух Сатаны. Была еще сильна инерция страха, порождающая подлость, а более всего малодушие, — я не говорю уже о людях, подобных Корнелию Зелинскому и ненавидевших Пастернака или сводивших с ним старые счефы.

— Но вы-то его не ненавидели?

— Нет, конечно. Но абсолютное большинство в зале составляли люди, не знавшие книгу, о которой шла речь, и в растерянности наблюдавшие, как те, кого они почитали, кто был совестью, кто знал рукописи, резко критиковали роман Пастернака. Это никого из нас не оправдывает, но объясняет ситуацию. Помню, я ехал на это собрание с Ломоносовского проспекта, где и сейчас живу, вместе с соседями — Баклановым, Бондаревым и Слуцким и скажу, что моей главной тревогой было внутреннее почти болезненное состояние Слуцкого. Ведь он был секретарем партбюро объединения поэтов, о его согласии или несогласии его выступление было неотвратимо. И он, выступая, даже не назвал ни разу имени Пастернака. Это слабое утешение, но в свои две минуты речи говорил, можно сказать, общие слова о том, как наши идейные противники пользуются любыми нашими опрометчивыми поступками. И каялся потом, и страдал потом всю жизнь.

— Может, нынешнее поколение вообще не вправе давать оценки таким вещам? Сейчас можно говорить о чем угодно, и врать вроде бы разучились...

— Наоборот, научились врать изоощренно. Та же "элитная" интеллигенция, которая в лучах столичных светил лихо поворачивается в разные стороны и охоча до комплиментов, но только не терпит критики.

— Значит, "прорабы перестройки", интеллигенция как-никак, которые формировали общественное мнение, вдали?

— Нет, это были люди, принявшие и двигавшие перестройку с

распахнутой душой, сознательно, не по настроению. Они почувствовали, что происходит нечто, ради чего стоит жить, ради чего и они существуют на земле. И хотели, чтобы это почувствовали и другие. Они ошиблись не в идеях, а в людях, в исполнителях.

— И стали их ниспровергать. Не кажется ли вам, что эту тенденцию ниспровержения они же и обозначили?

— До некоторой степени вы правы. Мы сейчас живем в эпоху огульных, с маху, не выношенных, а то и предательских переоценок прошлого. Я не прощаю открывшихся преступлений Ленина. Но в истории не только России, а всего человечества Ленин — очень крупная личность. Глупо и пошло вытаскивать на сцену и экран каких-то ржанных под Ленина двойников. Но мы ведь уже готовы, пританцовывая, осмеять Маркса — одну из крупнейших фигур истории. Сталин — апофеоз жестокости и палачества — это море крови. Но, если на историю, на прошлое смотреть только через кровь, тогда вернемся к Петру I — может быть, не было более жестокого правителя, чем Петр I.

— Александр Михайлович, каково ваше ощущение сегодняшней жизни?

— Ощущение однозначное: стыда и яростной нелюбви к тому, как эта жизнь разворачивается. Как она предана недоумкам, которые решили, что возможно так вот просто, в одночасье перестроить жизнь и обрести другое, удобное русло. Ведь, чтобы сменить социальный строй, — а мы замаяхнулись именно на это! — от стрельбы и митингов 17-го года до коллективизации 1932 — 1933 годов понадобилось долгих, истязующих тринадцать лет!

— А сейчас тоже прошло уже почти тринадцать лет...

— Прошло бы с толком, если бы было здоровое представление о том, что строится. Этого в помине нет и сегодня.

— Мне всегда казалось, что вы по складу характера оптимист. Можно ли сказать, что вы перестали им быть?

— Я от самого рождения фаталист. Для меня это источник внутренней силы или крепости — не знаю. Я просто не могу себе представить, что в ничто могут превратиться великая страна и великая нация. Как бы все печально ни разворачивалось.